

Олег Назарович Краснов –

прозаик, журналист, переводчик

Молдова – между Востоком и Западом

Молдова как часть Русского мира

Собственно людей русского происхождения в Молдавии не очень много. Но русскоязычных (русскоговорящих, русскодумающих, русофонов – как угодно), то есть тех, которые предпочитают на русском языке общаться, читать, смотреть кино, заполнять формуляры, покупать продукты и лекарства с русскими этикетками, – таких примерно четвертая часть. Это люди разного этнического происхождения – украинского, русского, молдавского, гагаузского, болгарского и др. Вероятно, поэтому внутри такой среды национализма практически нет.

Большая часть общества – молдаване, некоторые из которых считают себя румынами. Много ли таких – сказать сложно, самоидентификация – вопрос интимный. Согласно опросам, присоединения к Румынии желают 10–12 процентов молдавских

граждан. Но и люди, которые говорят на молдавском/румынском языке, читают русские книги, смотрят русские фильмы и довольно хорошо говорят по-русски, в отличие от русскоговорящих, которые молдавский язык знают плохо или не знают совсем. В то же время даже те молдаване, которые считают себя румынами, слабо знают румынскую литературу, румынское кино, румынское искусство и говорят на региональном диалекте.

Иначе говоря, принадлежность Молдавии к Русскому миру определяется не только тем фактом, что часть людей в стране говорят по-русски, но и близостью менталитета, восприимчивостью к русской культуре, канонической принадлежностью к Русской православной церкви, общей историей.

На протяжении нескольких веков на западе от княжества Молдова располагалась Османская империя, поэто-

му вестернизация региона проходила во многом благодаря российскому влиянию. Можно сказать, что для Молдавии Запад находился на Востоке.

Апарте – значит отдельно

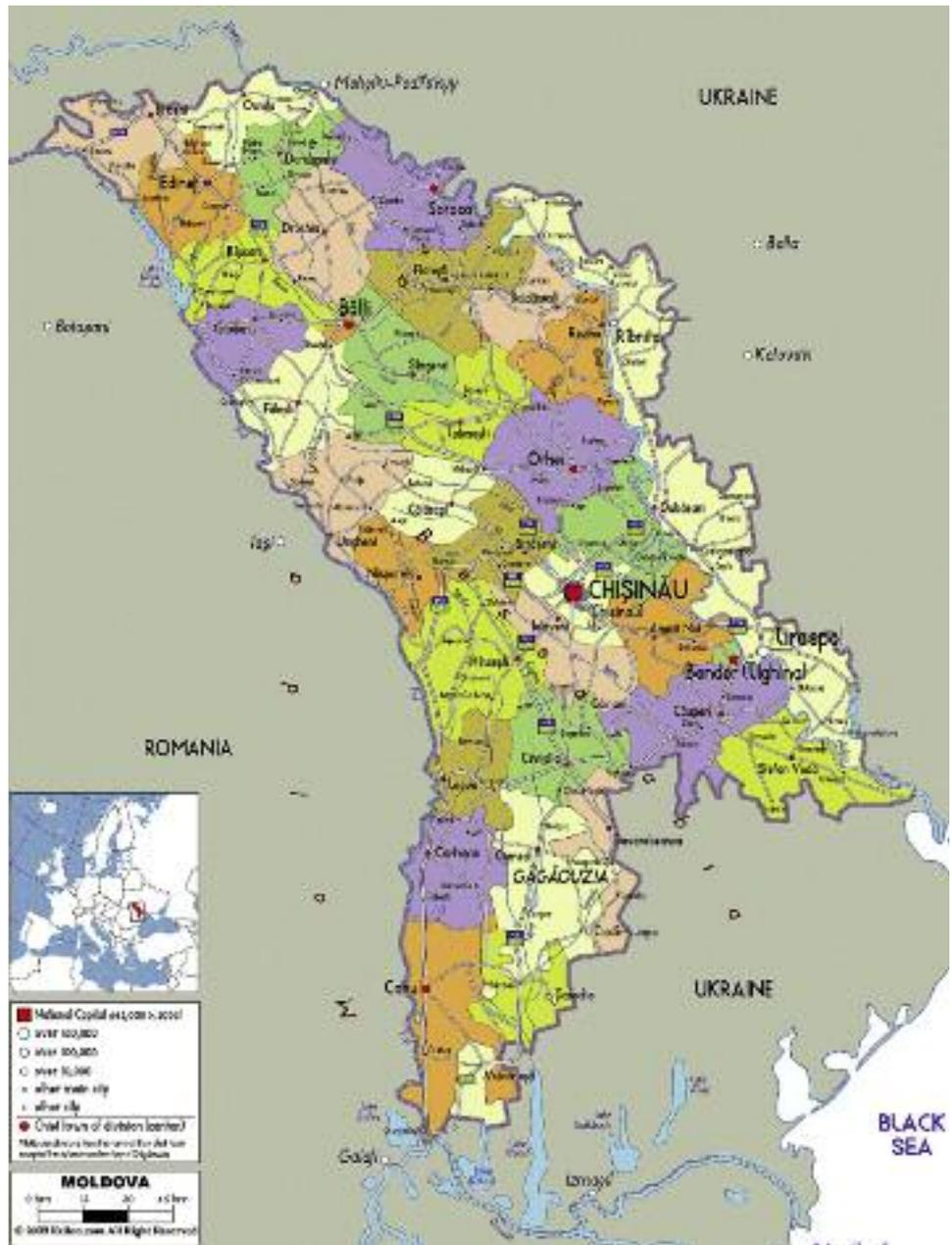
Отношения между двумя языковыми общинами в Молдове довольно мягкие, несмотря на явный этнократический характер государства. Или так: в Молдове выстроена этнократическая система, хотя отношения между языковыми общинами довольно мягкие.

Если обратить внимание на культурную, образовательную политику молдавских властей в последние десятилетия, то станет ясно, что этнократической она была всегда, с первого дня независимости. Во времена правления «коммунистов» ситуация была более терпимой, но нормальной она не была никогда – министерства культуры, образования были вотчиной радикальных националистов.

В Молдавии нет прямых запретов на профессии, как в Латвии, но в реальности целые сферы общественной деятельности, целый ряд профессий закрыты для русскоязычных, хотя формально они являются полноправными гражданами.

Русских практически нет в аппарате правительства, полиции, судебной системе, прокуратуре. В партиях правящего «Альянса за евроинтеграцию» нет русскоязычных депутатов, русскоязычных членов. Творческие союзы, неправительственные организации ориентированы на румыноязычную часть общества. Так же, как и «правозащитные» группы.

Таким образом, русские оказались вне румынской языковой среды и в значительной мере утратили мотивацию знать язык. Большая часть русских

уверены, что русскому – пусть даже с хорошей головой и приличным румынским языком – занять место государственного служащего невозможно. Может быть, это и заблуждение, но значительная часть русских его разделяют.

От русских требуют «интеграции», что само по себе достаточно загадочно, поскольку в европейском смысле русскоязычные интегрированы идеально – по обычаям, по религии ничем не отличаются от молдаван. На деле под «интеграцией» понимают языковую ассимиляцию, и многие всерьез на это рассчитывают. Но ассимиляции в таких усло-

виях произойти не может, поскольку официальная сфера и есть единственная связь русских с румынским языком.

Внешнее влияние: Россия и Румыния

Влияние Румынии на молдавские дела всегда было открытым, массивным, целенаправленным. Румыния напрямую из бюджета (а также и опосредованно – через различные фонды, румынские и западные) финансирует «румынскую идею». То есть финансирует политические партии, общественные движения, творческие союзы, некоммерческие организации, телекана-

лы, радиостанции, газеты, журналы, библиотеки, книгоиздание вплоть до школьных учебников и многое другое. Румыния каждый год предоставляет молдавским студентам 5,5 тысячи стипендий для учебы в румынских университетах — а это 30 процентов молдавских выпускников-бакалавров. Для сравнения: в этом году в Россию поехали учиться 162 человека.

Россия очень ограниченно финансирует группу организаций «профессиональных русских», совершенно беспомощных и беззубых. Возможно, эти организации проводят множество важных мероприятий, но существуют они вне политического поля, обыватель ничего о них не знает, и в общественном смысле они удивительно малоэффективны.

Большое препятствие — слабость русскоязычных медиаресурсов в информационном поле республики, нет сильного телеканала, журнала, газеты. Примером в этом смысле является прорумынский канал Публика ТВ, который создавался румынскими специалистами на румынские же деньги. Телеканал переходил из рук в руки местных олигархов, но направленность вещания почти не изменилась.

Ничего даже отдаленно похожего у русскоязычной части общества нет. Популярные российские телеканалы ретранслируются, но находятся под контролем случайных людей и нередко используются для антироссийской пропаганды при полном равнодушии российских телевизионных и официальных властей. Если можно назвать происходящее информационной войной, то она носит односторонний характер. Непохоже, чтобы Россию волновали молдавские события. Учитывая, какому тотальному промыванию мозгов подвергся мол-

давский обыватель за последние четверть века, можно только удивляться тому, что число сторонников присоединения к Румынии так невелико.

Вожди «русских» организаций, претендующие на право говорить от имени молдавских русских, не обладают никаким влиянием в русскоязычной среде, не располагают ни материальными, ни медийными ресурсами. Эти организации растут от спонсора, они представляют только самих себя и оторваны от населения. Именно «населения», поскольку в Молдавии нет русских общин. Русские общины есть где-нибудь в Буэнос-Айресе, а в Кишиневе — только русскоязычное население.

Четвертая часть избирателей — это немалая электоральная база. И казалось бы, должны появляться партии, выражающие интересы «русских». Но политические партии в Молдавии — это причудливые образования, слепленные из олигарха, клана и свиты. А олигархи вовсе и не против русских. Они мыслят иными — очень экономическими — категориями.

Как ни странно, за последние четыре года полной политической зависимости Молдовы от западных кураторов экономическая зависимость страны от России только усилилась. Большая часть денег гастарбайтеров приходит из России, самый большой рынок для молдавских товаров — Россия, практически безальтернативный источник энергоносителей — Россия. Тем не менее участие России в молдавских делах незначительно и несравнимо с активностью США, Евросоюза и Румынии.

Паноптикум (в смысле обозрение)

Сегодня в молдавском парламенте представлены четыре

партии, из которых пророссийской в некоторые периоды деятельности пыталась выгнать ПКРМ (Партия коммунистов республики Молдова). Так было в 2001 году, когда «коммунисты» шли на выборы с лозунгами союза с Россией и Белоруссией и русского языка как второго государственного. Придя к власти, президент Воронин благополучно позабыл предвыборные обещания и после шумной истории с отказом от подписания меморандума Козака провозгласил курс на европейскую интеграцию. Сегодня, находясь в оппозиции, ПКРМ начинает вспоминать о евразийстве, но отношения Воронина с российскими властями оставляют желать лучшего, доверие безнадёжно утрачено.

Три парламентские партии, входящие в правящий альянс (Либерально-демократическая партия Влада Филата, Демократическая партия Влада Плахотнюка и Либеральная партия), представляя собой этнократические образования разной степени радикальности, а партийные программы в молдавской политике большого значения не имеют.

За евразийскую интеграцию выступают Партия социалистов Игоря Додона и несколько более мелких формирований — Социал-демократическая партия Виктора Шелина, Партия регионов Михаила Формузала и др. Но все это небольшие партии, их попадание в парламент на следующих выборах проблематично.

Электорат расколот по нескольким направлениям:

- ◆ евразийская или европейская интеграция;
- ◆ молдавская или румынская самоидентификация, присоединение к Румынии;
- ◆ русский язык как второй государственный.

Информационные войны ведутся вокруг таких моментов истории, как присоединение

Бессарабии в 1812 году к России, а в 1918 году — к Румынии, отношение ко Второй мировой, к Холокосту, депортациям, брежневизму, всплеску национализма 1989 года и вооруженному конфликту в Приднестровье в 1992 году. Молдавская политическая элита весьма невысокого качества. Коррупция, кумовство, nepotизм типичны для молдавского чиновничества. Эффективность управления страной крайне низкая, правительство и парламент полны людей, привыкших говорить о тоталитаризме, толерантности, манкуртах, моральных и цивилизационных ценностях, но никак не об экономике. И что еще хуже — элита управляема извне, то есть действует в интересах внешних сил. Некоторые называют внешнее управление колониальной администрацией, что недалеко от реальности — еврокомиссар Штефан Фюле и американский посол Уильям Мозер правят туземцами твердой рукой.

В Молдове выстроена этнократическая система, хотя отношения между языковыми общинами довольно мягкие.

Рынки для Молдавии

Прежде чем говорить о состоянии молдавской экономики, стоит обратиться к экономической географии. Надо отдавать себе отчет в том, что молдавский рынок мал и непривлекателен. Первое условие для сколько-нибудь технически сложного производства — это не энергоносители, не сырье, не кадры и не технологии, а рынок. Отдельно взятое село не может производить паровозы. Не потому что технически сложно — не нужно никому. Если говорить о Молдавии, то сегодня нет смысла производить для внутреннего рынка даже велосипеды, не говоря уже о чем-то более сложном. В мире есть успешные страны, сравнимые с Молдовой по размерам и населению. Но и там вся высокотехнологическая продукция идет на экспорт. Отделите небольшую

страну от внешних рынков — и на глазах произойдет демодернизация в широком смысле: от кризиса отдельных производств до падения качества университетского образования, утечки мозгов и деградации элиты, что мы и видим сегодня в Молдавии. Где же внешние рынки для Молдовы? Нравится это кому-то или нет, но на Западе рынка для Молдовы нет. Отчасти потому что западные рынки перенасыщены и защищены, отчасти потому что республике нечего предложить Западу — нет конкурентоспособного товара. Еще в 2008 году Молдова получила торговые преференции в торговле с Евросоюзом, и за все эти годы ничего существенного не произошло — республика по-прежнему не производит продукцию европейских стандартов даже в размерах тех крошечных квот, которые ей были выделены. Оче-

видно, что если будут открыты границы, то товары хлынут из Европы в Молдову, а не наоборот. Открытие молдавского рынка для беспощинного и неограниченного ввоза европейских товаров приведет к уничтожению остатков местного производства, что мы уже видели на примерах Болгарии и Латвии.

Интересен ли Молдове рынок России, импортирующей продукции на 400 миллиардов долларов в год? Безусловно, интересен. Но зачем это России? Любой молдавский товар можно легко заменить товаром другого производителя.

Влад Филат, будучи премьером, сказал буквально следующее: «Молдавия заинтересована в расширении поставок в Россию винодельческой, мясной, овощной и другой продукции. Мы приглашаем россиян инвестировать в сельское хозяйство, энергетику, другие отрасли. Есть большой потенциал сотрудничества в инновационной сфере. Это касается не только пищевой и легкой отраслей, но и предприятий высоких технологий». Очень хорошо, но зачем России пускать Молдову на свой рынок? Если кто-то хочет продавать вино и сельхозпродукцию — пусть становится в очередь за Чили и Узбекистаном. Молдавии нужны инвестиции, это понятно. Но зачем России инвестировать в молдавское сельское хозяйство? Разве нет своего?

Многим почему-то кажется, что за Молдову идет борьба между ЕС и ЕАС. Проблема немного другая — экономика Молдовы никому не интересна. Если какая-то борьба и разворачивается, то к экономике она не имеет никакого отношения.

Сегодня Молдову могут пустить в Таможенный союз (ТС) по политическим соображениям — России хотелось бы

ускорить экономическую интеграцию с Украиной. После вхождения Украины в ТС присутствие там Молдовы совсем не критично.

Точно так же, из политических соображений, США и ЕС пытаются удержать Молдову в орбите своего влияния, для чего покупают элиту, дают кредиты и гранты по грузинскому варианту. Это не может привести к росту молдавской экономики, как не привело к росту грузинской. Но на Западе этого никому и не нужно. Вхождение Молдовы в ТС тоже не обещает молочных рек, но там, по меньшей мере, есть возможность развития.

Молдавская экономика

Все молдавские правительства с момента появления на карте РМ — независимо от партийной принадлежности — проводили меркантилистскую распределительную политику: собрать бюджет и поделить. Мысли о том, что экономический рост мог бы увеличить размеры пирога, молдавскую элиту не посещали никогда. Последние пятнадцать лет бюджет наполнялся деньгами гастарбайтеров, отнимаемыми посредством тарифов и налогов на потребительские товары и услуги, а производством ни одно правительство всерьез не занималось.

Как результат — промышленное производство, в отличие от постсоветских республик региона — Белоруссии, Украины и даже Приднестровья, — разрушено почти полностью. Легкая промышленность формально есть, но существует на давальческом сырье и создает очень небольшую прибавочную стоимость. Некоторую часть экспорта составляет реэкспорт. Частично сохранилась перерабатывающая промышленность. И все, больше ничего нет. Количество рабочих мест в республике падает

из года в год, причем в последние четыре года быстрее, чем прежде.

Что изменилось с приходом к власти «Альянса за евроинтеграцию»? Прежде всего изменились группы привилегированных предпринимателей, делающих деньги на близости к власти. Немного изменился характер коррупции, стало больше беспорядка, стали больше заимствовать за рубежом, в бюджете появились гранты и кредиты, хотя часть грантов возвращается за границу в электронном виде. Безразличие к производителю осталось прежним, деньги уходят на распил и потребление, в производство ничего не вкладывается.

Экономическая проблема Молдовы состоит не в отсутствии энергоносителей или современных технологий, а в отсутствии у властей мотивации заниматься экономикой. Что произойдет в случае углубления кризиса на Западе? По мере роста безработицы молдавские гастарбайтеры, не успевшие натурализоваться, останутся без работы и будут выброшены пинком. Грантов тоже, совершенно очевидно, не будет.

Катастрофа молдавской системы образования

Чтобы не останавливаться на каждой области человеческой деятельности, рассмотрим для примера положение в публичном образовании республики. За последние восемь лет в Молдове количество детей школьного возраста уменьшилось на 30 процентов — с 740,2 до 515,1 тысячи. Но за партами нет и этих детей: по официальной статистике 29 процентов детей не ходят в школу. В мирное время, в отсутствие эпидемий и природных катаклизмов, может ли случиться со страной что-то худшее? Какое будущее может ожидать

Королевство Румыния в 1918–1940 годах

государство, теряющее молодежь такими темпами?

Уменьшение числа детей школьного возраста — следствие двух демографических факторов: миграции и уменьшения рождаемости, которое началось в 1988 году и продолжалось до 2000 года, после чего осталось на примерно одинаковом и довольно низком уровне — 1,3 ребенка на одну женщину. В ближайшие годы количество школьников будет уменьшаться — часть сегодняшних школьников родились в 1994–1999 годах, когда рождаемость была выше. И миграция, и уменьшение рождаемости — следствия экономической ситуации, которая в обозримом будущем останется тяжелой.

Помимо того, что не все дети ходят в школу, примерно половина детей не получают законченного среднего образо-

Влияние Румынии на молдавские дела всегда было открытым, масштабным, целенаправленным. Румыния напрямую из бюджета (а также и опосредованно — через различные фонды, румынские и западные) финансирует «румынскую идею».

вания. Для сравнения: в 1980 году из числа молдавских школьников, закончивших 8 классов, впоследствии 97,4 процента получили среднее или среднее специальное образование.

В 80-е годы молдавские средние школы (дневные, вечерние, интернаты) выпускали одновременно около 70–80 тысяч человек, из которых примерно 10 тысяч поступали в высшие учебные заведения. Сегодня ситуация иная. В 2012 году лицеи закончили 18,8 тысячи человек, а университетское образование первого уровня получили — 20,1 тысячи человек. Иначе говоря, какой-либо отбор по знаниям и

личным способностям отсутствует — все выпускники поступили в университет. Можно с уверенностью сказать, что уровень сегодняшнего студента соответствует уровню унылого советского троечника.

Не говоря уже о том, что молдавские школьники учатся по учебникам истории, в которых нет упоминания о Мюнхенском договоре 1938 года (Мюнхенском сговоре), зато есть доктрина «румынского пространства», и отрицается существование «молдавского народа».

В 2013 году выпускные экзамены проходили по новой системе, исключавшей возможность списывания — применя-

Сегодня, находясь в оппозиции, Партия коммунистов республики Молдова начинает вспоминать о евразийстве, но отношения Воронина (на фото) с российскими властями оставляют желать лучшего, доверие безнадежно утрачено.

лись камеры слежения и другие меры контроля. В результате 32 процента выпускников не смогли сдать экзаменационные тесты на 5 баллов по десятибалльной системе, то есть провалили экзамены и не смогут поступить в университет.

Все факторы, снижающие качество образования и количество образованных людей в обществе — миграция, недостаточное финансирование, уменьшение рождаемости, — обуславливаются ухудшением экономического положения и плохим управлением.

«История успеха»

После того как на высокой ноте оборвалась грузинская «история успеха», ведущей страной «Восточного партнерства» была назначена Молдова. В Кишинев со странностями бесцельными визитами зачастую высокопоставленные функционеры — Жозе Баррозу, Ангела Меркель, Кэтрин Эштон.

Джозеф Байден сделал в Кишиневе заявление: «Ваша страна, находящаяся на пути евроинтеграции, должна гордиться тем, чего она достигла за последние 20 лет». Молдаване первое время крутили головами, пытаясь на фоне развала и очевидной деградации разглядеть «историю успеха», но потом привыкли и стали относиться к словам гостей благосклонно.

Все сколько-нибудь серьезные люди понимают, что вхождение Молдовы в ЕС в обозримом будущем невозможно. По этому поводу многократно высказывались европейские лидеры, еврокомиссары, эксперты, политологи, политтехнологи, блогеры и под-

ростки. Это было ясно и пять, и десять лет назад, и только неразвитость молдавского избирателя допускает подобные игры.

Однако несмотря ни на что программа «Восточного партнерства» должна быть исполнена до конца, это уже стало вопросом чести для высоких европейских чиновников, и у Молдовы нет шансов избежать своей участи. Вероятнее всего, на предстоящем саммите в Вильнюсе Кишинев парафирует договор об ассоциации с ЕС, в который входит и соглашение о свободной торговле. Это не приближает республику к вступлению в ЕС (подобный договор Турция подписала десятки лет назад), но делает проблематичным вступление Молдовы в ТС.

Между стульями

Достоверно сказать, что представляет собой договор об ассоциации с ЕС, нельзя: как ни смешно это звучит, договор засекречен, даже парламен-

тарии и отдельные члены правительства не имеют к нему доступа. Но параметры понятны, договор будет типовым: Молдова, находясь под внешним управлением, не способна всерьез отстаивать свои интересы. Подписание договора означает отказ от части суверенитета в вопросах торговой политики, беспошлинный допуск европейских товаров на молдавский рынок при сохранении квот и ограничений на молдавские товары, решение спорных вопросов в европейских судах, одностороннюю зависимость от директив ЕС, связанных с торговлей, включая технические регламенты.

Разумеется, все это исключает вхождение в ТС, что может повлечь тяжелые последствия для молдавской экономики. Опасаться следует защитных мер ТС против возможного реимпорта внешних товаров, ограничения прав молдавских гастарбайтеров, внешних цен на энергоносители.

Не так давно была приобретена земля для строительства газопровода «Яссы—Унгены», и президент Румынии Траян Бэеску выразил надежду, что к 2015 году Молдова сможет получать природный газ. Но он не сказал о том, что своего газа Румынии не хватает и она покупает недостающую часть в России.

Два года назад Молдова зачем-то подписала протокол о вступлении в Договор энергетического сотрудничества Европейского сообщества, в результате чего получила европейское ценообразование и обязалась внедрить у себя к 1 января 2015 года так называемый Третий европейский энергопакет, условием которого является обязательство разделить АО «Молдовагаз», контрольный пакет которого принадлежит «Газпрому». После чего Влад Филат прибыл в Москву и попросил у

«Газпрома» скидку в 30 процентов в цене на газ, чем вызвал несказанное удивление — если цены европейские, то европейские. Наутро Филат бросился в Брюссель, где ему объяснили, что исключений быть не может. Газеты вышли со статьями о русском империализме и политическом диктате.

Многие опасаются типичных для ЕС запретов на производство сельхозпродукции в личных хозяйствах, что для крестьян было бы серьезным ударом — половина молдаван живут в селах.

Аргументацией необходимости подписания договора об ассоциации с ЕС никто себя не утруждает. Глава Института рыночной экономики Роман Кирка пришел к парадоксальному выводу: «Если бы у нас была хорошо развита промышленность, как это происходит, например, в Белоруссии, тогда была бы острая необходимость в рынках». Иными словами «если у вас нету дома — пожары ему не страшны».

Приднестровская проблема

Камень преткновения евроинтеграции — Приднестровье. Запад однозначно поддерживает территориальную целостность страны, но чем сильнее Молдова будет втягиваться в европейские структуры, тем больше будет отдаляться от Приднестровья.

Никто не сомневается, что будущее региона будут определять силы, намного более значительные, чем Молдова и Приднестровье, но присутствует и внутренний фактор. Присоединение к этнократическому государству, каким сегодня является Молдова, русскоязычного анклава с про-русскими симпатиями изменило бы внутривнутриполитический баланс сил и повысило бы статус русского языка, что

в Кишиневе далеко не всем понравилось бы.

Внутренняя политика и риторика Молдовы не изменилась со времен конфликта в Приднестровье, война ничему не научила. В румыноязычных средствах массовой информации ксенофобия настолько привычна, что уже не вызывает никакой реакции. Но зачем это приднестровцам?

Молдавское государство не пытается быть привлекательным для Левого берега, не идет навстречу даже в том, что касается жизни обычных людей — работы транспорта, восстановления телефонной связи, признания школьных аттестатов, других житейских

Три парламентские партии, входящие в правящий альянс (Либерально-демократическая партия Влада Филата (на фото), Демократическая партия Влада Плахотнюка и Либеральная партия), представляют собой этнократические образования разной степени радикальности, а партийные программы в молдавской политике большого значения не имеют.

проблем. Так поступало и прежде «коммунистическое» правительство, и нынешнее «проевропейское».

Для приднестровской элиты наиболее важные вопросы — легализация приватизации и собственности в целом. Об этом можно было бы договориться на каких-то условиях, но приднестровскую элиту пугает недоговороспособность молдавской стороны — подписанные соглашения не соблюдаются.

Если разобраться, то воссоединения боятся и Кишинев, и Тирасполь. Переговоры ведутся много лет, но никакой позитивной программы, никакой стратегии реинтеграции у Молдовы нет, и непонятно, как это может произойти. Очевидно, что воссоединения не будет, пока стороны не изменят отношения друг к другу. Мы ведь говорим о мирном присоединении, правда?

Тупик

Будем называть вещи своими именами: Молдову и в Евросоюз не возьмут, и в Евразийский союз не отпустят. Из этого можно заключить, что промышленного производства у Молдовы по-прежнему не будет. Если кризис в Европе останется вялотекущим, Молдова продолжит терять население, продолжится и деградация образования, культуры, науки, общества в целом. Но не так быстро, как это происходило в последние годы, а значительно быстрее.

В долгосрочной перспективе судьба региона будет определяться способностью США к геополитическому доминированию, интересами Евросоюза или отдельных его зон, темпами роста экономики России и скоростью интеграционных процессов на постсоветском пространстве. ☞